

КОНТРАСТЫ ОБРАЗА

ПРЕМЬЕРА

Новая постановка «Ричарда III» Шекспира в Театре имени Евг. Вахтангова — заметное событие в культурной жизни страны. Как сказал в свое время Тургенев, Шекспир «сделался нашим достоянием. Он вошел в нашу плоть и кровь». А богатая сценическая история его произведений в советском театре создала уже определенные традиции, отмечена замечательными победами и открытиями.

Первая встреча с Ричардом — Михаилом Ульяновым настаивает. Кликуша, породивший... На что он способен? Он, «обделенный силою и ростом, обещанный молнией — природой?» Отныне он должен властвовать, и путь у него к этому один — путь злодейства. Актер как бы сразу бросает вызов устоявшимся представлениям о некоем трагическом величии Ричарда III и добивается в этом решительного и безусловного успеха.

В ряду сценических созданий Ульянова роль Ричарда III едва ли может казаться совершенно неожиданной. Актер неоднократно уже доказывал, что его большой многообразный талант способен проникнуть в глубины человеческого духа самых разных масштабов и разных времен. Снискав за своими героями безусловную славу положительных героев современности, М. Ульянов ищет теперь непреходящую ценность мыслей и чувств в классическом

репертуаре. Своеобразным подступом к Ричарду III был Антоний в спектакле «Антоний и Клеопатра», также сыгранный неожиданно и современно.

Пороки Ричарда — по Ульянову — это пороки человека, склонного к авантюризму, хитрости, притворству, обману, но в то же время способного и на беспощадный самоанализ, и на удивление, и на испуг, и на разочарование, и на самоиронию. В каждой сцене актер находит все новые и новые краски для характеристики героя. Нет, не одного Ричарда III сыграл он в этом хитросплетении человеческого характера, есть в нем и Макбет, и... Тартюф. Непомерные масштабы кровавых злодеяний при зримой будничности человеческих поступков — в контрасте, столь смело заявленном М. Ульяновым, направленность пьесы действует куда сильнее, чем в традиционном изображении жестокости (немалую роль в этом играет сценическая редакция, сделанная переводчиком М. Донским).

Если ранее даже в исследованиях ведущих шекспироведов личность короля-злодея определялась как гигантская и единственная на фоне безвинных жертв его жалких и ничтожных приближенных, то Ричарда М. Ульянова в окружении своих придворных и родственников выглядит волком среди волков. Все они, готовые перехитрить,

опередить, успеть убить, проклясть — под стать ему, ибо в этом алчном мире царит волчий закон: кто кого.

Постановщик Р. Капланян и режиссер спектакля М. Ульянов идут еще дальше и решительно утверждают, что возвышению злодеяния способствует не только всеобщее молчание, а прямое пособничество. И мы видим, как так или иначе, равнодушным или потворством, сообщничеством или обманом, помогают Ричарду те, кого еще вчера называли «безвинными жертвами»: умный, сдержанный Бекингем (А. Филиппенко), искусные интриги которого приводят в изумление даже самого Ричарда, пресмыкающийся клеврет Кетсби (В. Коваль), трусливый двуликий Стенли (В. Осенев), беспринципный, равнодушный Хестингс (Г. Абрикосов), порочная Анна (А. Максакова), сластолюбивый Эдуард (А. Граве), полубезумные королевы, занятые собственными расправами и проклятиями (А. Парфаньяк, Е. Измайлова, Е. Коровина), и, наконец, угодливо возникающие в нужный момент наемные убийцы (В. Иванов, О. Форостенко). А одна из таких «жертв» — хитрый, беспощадный, самовлюбленный Ретклиф (В. Зозуля) вырастает в спектакле в фигуру поистине демоническую — именно ему, беспресловому исполнителю кровавых замыслов, в финале дано ударом ножа убить Ричарда

да и ждать следующего повелителя, а может, и самому стать таким же исчадием ада.

...Но вот вожаденная цель достигнута, и к Ричарду впервые обращено слово «государь», слово, ради которого плелись интриги, совершались злодеяния, лаялась кровь близких. Нет, не восторгом победителя реагирует на него Ричард — М. Ульянов, а паразитическим удивлением: как, свершилось? Сознание этой невероятной удачи словно подкапывает его, и он на четвереньках «уползает» из царствования. Однако удержать власть оказывается труднее, чем ее добиться. Под прерывающийся бой Биг-Бена красная мантия Ричарда мелькает то тут, то там — то он смешно вспрыгивает на трон, то, как по крови, спускается по красному столу — надо повсюду успеть, все предвидеть и снова сесть зло, чтоб только удержать трон...

А в это время рождается самое страшное — сомнения. Потому что каждое злодеяние несет в себе и возмездие. И словно в предчувствии конца все чаще Ричард — М. Ульянов — выбегает на авансцену, словно моля о жалости и желая оправдаться: «Но дело слишком далеко зашло. Я весь в крови. А зло рождает зло».

Устремляясь к вершине власти, Ричард скатывается в бездну. Словно он уже не принадлежит больше себе, а тем злодеяниям, которые совершил. В

бешеном темпераменте актера решена сцена боя, которую ведут не войска Ричарда и Ричмонда, а Ричард — М. Ульянов... один, наедине с собой, со своими врагами и со своими злодеяниями, своей судьбой. А потом — «Корону за коня!» Свеченная агония, и мертвое опенение на высоко поднятой спинке трона, лестницей взмывшей вверх, той самой лестницей власти, по которой взбирался Ричард до последнего дыхания.

Пластика актера восхищает, порою она перерастает почти в акробатику, но всегда оправданную внутренним «зерном» роли, а точнее ее нервом, всегда кажется логичной, естественной.

Думается, что исполнение роли Ричарда М. Ульяновым станет на многие годы предметом специальных исследований. Но нельзя не сказать и о манере особого произнесения актером шекспировского текста — напевно интонируя последние буквы в слове, он как бы осознает и переживает сказанное.

Спектакль вахтанговцев внес значительный вклад в сценическую историю шекспировской драматургии нетрадиционным воплощением трагедии и оригинальной трактовкой центральной роли Михаилом Ульяновым — одним из ведущих актеров современного театра.

Т. ПУТИНЦЕВА,
кандидат искусствоведения.

«Сов. Россия» 1976, 1 дек